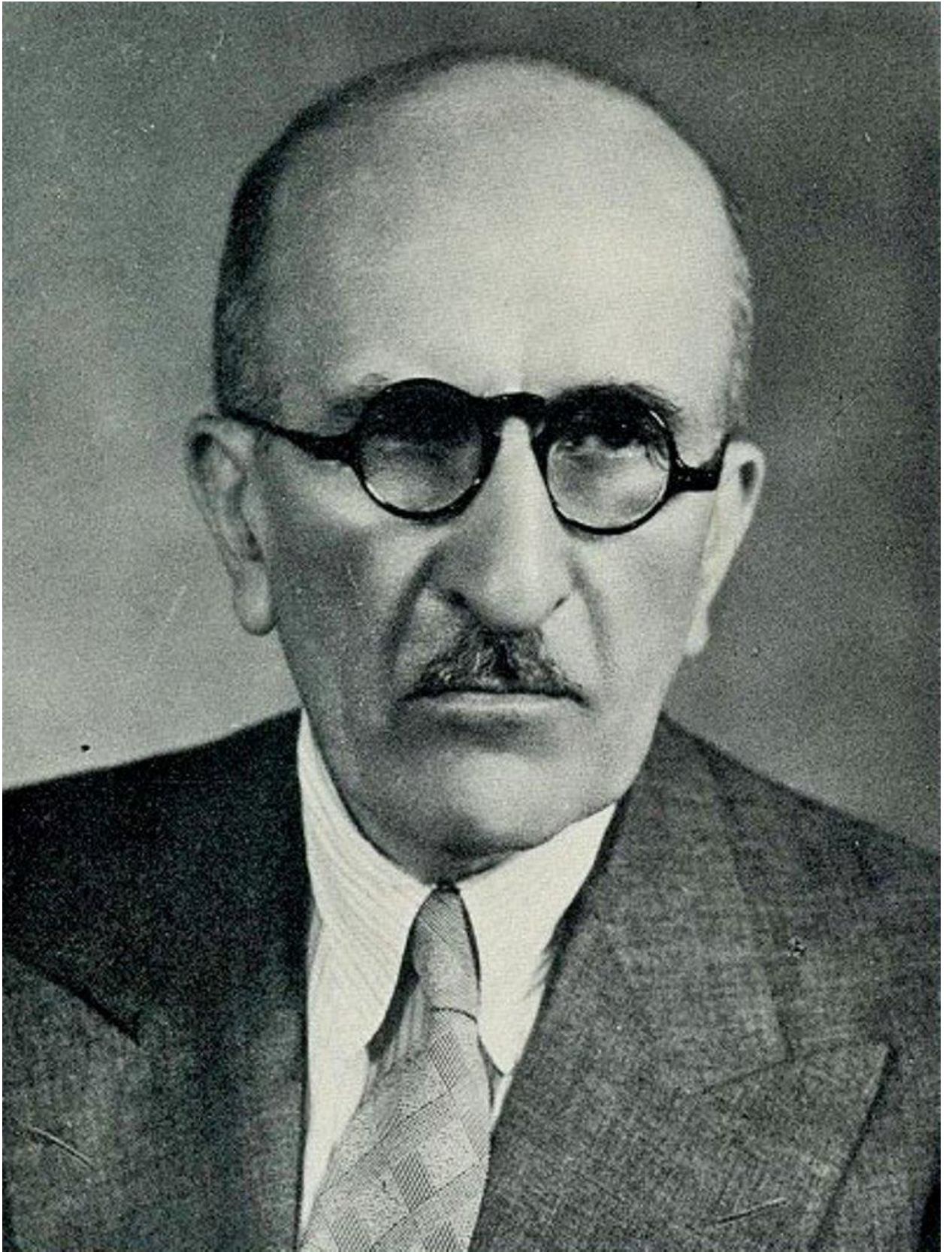

ВАН ТЕКЕЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ

СБОРНИК

ВААН ТЕКЕЯН

Ваан Текеян родился 3 февраля 1878 года в Константинополе.

Учился в местных семинариях. В 1894 году поступил на службу в страховое общество. С 1896 по 1908 год. Жил и работал в Ливерпуле, Марселе, городах Египта. Вернувшись в Турцию в 1908 году, занялся литературной и общественно-педагогической деятельностью. В начале первой мировой войны Текеян переехал в Египет, в 1920 году возвратился в Турцию, а с 1922 года жил в Болгарии, Греции, Сирии, Франции. С 1926 года обосновался в Египте. Умер 4 апреля 1945 года в Каире.

Интерес к литературному творчеству возник у Текеяна еще в школьные годы. Первые его произведения, опубликованные в 1894 году, были прозаическими. Кроме стихотворений ему принадлежат новеллы, рассказы, роман, драматические произведения, литературно-критические и публицистические статьи, переводы. Первый сборник стихов Текеяна под названием «Заботы» вышел в свет в 1901 году в Париже. Затем последовали сборники «Чудесное воскресение»

(Константинополь, 1914), «От полуночи до зари» (Париж, 1919),

«Любовь» (Париж, 1933), «Армянские мотивы» (Каир, 1943), «Песенник» (Каир, 1944) и др. Текеян также издавал и редактировал различные газеты и журналы: «Ширак» (Александрия, Каир, Константинополь), «Новые времена» (Каир), «Солнце» (Александрия, Каир), «Голос народа» (Константинополь) и др.

Основные издания на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1958;

на русском языке: Поэзия Армении, М., 1916; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979; Поэты Армении, Л., 1979.

ИЗ КНИГИ «ЗАБОТЫ»

ПАДУЧИЕ ЗВЕЗДЫ

(Сонет)

Мои глаза падучих звезд полны,
Я собирал их летними ночами,
Когда, скользя средь сонной тишины,
Они сверкали кроткими лучами.
Я их собрал в полночном летнем храме,
Пока они, в паденье с вышины,
Цвели еще над дальними холмами
И, взрыв любовь, не умерли, как сны.
Моя душа отсель всегда светла.
Мои глаза — ларцы с лучистым кладом.
И в день, когда мне слишком тяжела
Скорбь нищего и с горестным разладом
Тревога мрака входит в жизнь мою,
Из этих звезд я солнце создаю.

(1900}

ИЗ КНИГИ «ЧУДЕСНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ»

ЛОДКА

О белой лодке мечта томит меня до сих пор —
Изящна она, легка...
Под виллой большой вдали качает тихо Босфор

Ее под шум ветерка.
Дневной наплывает зной — объемлет лодку покой,
Ио как она хороша!
Плывешь по зыби морской — спроси, великий какой
Построил ее паша?
Другие же спросят так: которой из многих жен —
А все они так милы —
Гнездо на синей воде свивал так любовно он:
Никяр ли, Лейлы, Назлы?
Вопрос прозвучит, и вновь лениво весла скользят...
А вечер тронет залив —
И волны и облака тогда подожжет закат,
Багрянцем даль озарив...
Когда же взойдет луна, в небесных полях неся
Бесчисленных звезд стада,
Начнут темнеть берега и суша исчезнет вся,
Лишь будет играть вода...
Мне снится юноша: он — чуть только станет
темней —
Спускается к лодке той
И, нежно глядя ее, уходит в море на ней,
Своей окрылен мечтой...
Один, скользит по волнам, — и звезды над ним чисты,
Ночь молча льет волшебство...
Закинул голову он, и вот летят с высоты . Кометы в глаза его.
О, сходство бы с лодкой той для нежных песен моих!
Души бы его печаль
Порою входила в них под парусом чувств живых,

Скользила трепетно вдаль...

1910

ВНОВЬ ПАМЯТЬ О ТЕБЕ

Вновь память о тебе слезами обожгла,
Уже казалось — всё, но этой ночью снова
Нахлынула, прося сердечного тепла,
Вошла в меня тайком, наследница былого.
Твой образ в эту ночь, твой голос в этот час
Преодолели явь — наперекор разлуке,
И я тобой дышу, и жизнь опять за нас,
И глядят мне лицо невидимые руки.
И в караване звезд, в мерцающей гурьбе
Что ни звезда — то миг, когда мы были рядом,
И настезь вновь душа, как стойло перед стадом.
Я рад тебе до слез, и память о тебе —
Богатство из богатств, неслыханно прекрасных, —
По-щедрому хочу раздать на всех несчастных...

{1914}

ДОЖДЬ НА ДВОРЕ

Дождь на дворе... Осенние дожди —
Что плачи на любовном пепелище...
Закрой окно, сынок, и приходи,
Садись напротив... Вон какой дождище!..
Промозглый сумрак небо заволок...

А у тебя в душе бывают тучи?
Тебе знаком на сердце холодок
От мысли, что судьба сегодня круче
С тобой? .. Что скрылось солнышко навек? ..
Дитя мое, ты плачешь?.. Жизнь сурова,
И, кто не плакал, тот не человек.
Не жди от жизни доброго улова
И не стыдись слезы — еще невинной,
Отплачься впрок, чтоб вырасти женщиной...
1901

КРАСАВИЦЫ

Всегда красавица та, что мимо тебя прошла
И взор обласкала твой, похожа на божий дар,—
Но не обернулся ты, сокрыл свой сердечный жар,
И встретиться больше с ней судьба тебе не дала...
Еще — красавица та, с которой с детства знаком,
Что рядом с тобой росла, и солнцем ей был твой взор,
И ветер над ней летел в весенний чистый простор, —
В душе осталась она душистым, свежим цветком...
Еще — красавица та, что нежно любить могла,—
Ты знаешь имя ее! — бывшее благословие...
Она о любви твоей догадывалась, ждала...
Сберег ты сердце ее, не тронул ее любви.
Красавицы только те, что сквозь желанья твои
Прошли, ушли — и теперь их зов ты слышишь

вдали...

1912

ТВОЕ ИМЯ

Вот и в этих стихах не могу твое имя назвать,
А любовь говорит: «Не скрывай! Напиши! Назови!»
Называю тайком, удивляясь опять и опять
Двум слогам, содержащим бессмертную книгу любви...
Вот и в этих стихах не могу твое имя назвать...
Только имя твое — больше нет ничего у меня,
Только имя — бесплотность лобзания, сладостный
звук...
По ночам, заперевшись на ключ после долгого дня,
Я шепчу его, зная, что сонное царство вокруг.
Только имя твое — больше нет ничего у меня...
Мне казалось, что сердце мое им тебя нарекло
И потом утверждало биеньем своим по складам,
И носить до меня ты могла его только назло,
И неведомым тем временам я его не отдам.
Мне казалось, что сердце мое им тебя нарекло...
Мир его не прочтет — не доверю стихам, не хочу!
Неужели два слога его для других воскурю?
Я его назову лишь последнему в жизни лучу,
Над минувшим, над временным с ним на устах
воспарю..,

Мир его не прочтет — не доверю стихам, не хочу!..

1911

УЛЫБЧИВЫЕ ОЧИ

На миг или короче —

А счастье вечно кратко —

Улыбчивые очи,

Зеленая загадка,

Мне в душу заглянули.

И что пообещали —

Любовь или загулы

Большой моей печали?

И золотую дверцу

Они открыли в сердце?

Иль смерть они пророчат?

Но сердце ноет сладко...

Улыбчивые очи,

Зеленая загадка...

1903

УСТАЛОМУ ПУТНИКУ

Путник усталый, послушай, вечер уже недалек,

Засветло ты поискал бы гостеприимный порог.

Жизнь снарядила в дорогу — тяжкий пожизненный

путь...

Ты хоть на камень присел бы, в поле прилег отдохнуть,

Лоном любви материнской вообразил борозду,

Посох цветущий представил — помощь тебе на ходу. ,х

Путник, я знаю, откуда ты: из туманной дали,
Чьи неразрывные путы душу твою оплели, —
Цепи страны несравненной, той, от которой бы рад
Ты отказаться, однако смотришь всё время назад.
Не поддавайся соблазну — издали только смотри!
Прошлое — двери, навеки запертые изнутри,
Прошлое — мрак лабиринта, где на счастливую нить
Тщетны надежды, могила, яма, чтоб заживо гнить,
Желоб кровавый и слезный, угол, Откуда на свет
Смерть выползает, в которой жалс^ти к прошлому нет. м
1909

ОБМАН

Жизнь одолела, сломила, — как не отчаяться мне!
Но неужели напрасен собственный горестный опыт?
Разве не жду, что надежда лед в моем сердце растопит,
Новую песню навевает жизнелюбивой струне?
Часто достаточно слова, чтоб распахнуть горизонты,
Луч, затерявшийся в прошлом, — смотришь, горит,
не погас,
И мимолетным приветом добрые искорки глаз
Счастье тебе предвещают — счастье, которым спасен ты.
Голову снова теряю, зла не хочу вспоминать,
Больше не точат сомненья, жизнью доволен опять,
С нею бездумно пускаюсь в пляс — ни за что
не устану!..
Но отрезвленье приходит — места себе , не найду,

Горечь в душе: обманулся! — и, к своему же стыду,
Чувствую, знаю, что втайне жаждал поддаться обману.

1910

НЕ ЗНАЕШЬ ДО СИХ ПОР

Не знаешь до сих пор, — красавицами позже
Осознают себя, — сколь хороша была
Тем летом ты и как я млел от сладкой дрожи,
Как трепетал, когда ты в плен меня брала...
Глаза и голос твой мне чудились повсюду,
Ступая, тень моя твою искала тень,
Я каждый день мечтал, как я тебя забуду,
И снова умирал от счастья каждый день.
Но и потом, вдали, тебя не осенило,
Что побуждением ты уже была к стиху
И мысли о тебе, светло и легкокрыло,
В твою летели даль, как под свою стреху,
И в клювах жизнь мою — весну несли по веточке,
О чем не знаешь ты: не получала весточки.

1907

И СНОВА ТЫ, ЛЮБОВЬ!..

И снова ты, любовь, вонзила в грудь клинок,
И пламенная кровь из сердца побежала!..
Не стану вырывать пленительное жало,
Ведь я бы всё равно извлечь его не смог.
А если бы и смог, раскаялся бы в этом,

Не рану бы отверг — причастие отверг,
И свет бы для меня безжалостно померк,
Что словно возвращен целительным ланцетом.
Я сладкой ране рад, — она заветный пласт
Открыла в глубине под лавой затвердевшей,
И солнце прежнее она лишь сердцу даст...
Отрадно верить в жар души помолодевшей,
Мечтательно вздыхать и плакать и опять
Сквозь слезы светлые судьбу воспринимать.
1910

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Всё в прошлом: город, краски сада,
И часа ласка золотая,
И то, как ты прошла куда-то
Благословенно молодая.
Ты шла нарядна и надменна.
И не ступала — уплывала!
Как будто небо вдохновенно
Тебя для глаз наколдовало.
Иду с лицом отяжелевшим
Туда, где жил твой шаг и шепот.
Душа моя меня торопит!
Иду к шагам твоим ушедшим.
Где ты когда-то проходила,
Погребены навек светила...
1908

ГОРЕ

Значит, так тому и быть, — кончилось мое раздолье,
Хмель соблазнов и забав
Улетучился давно. Но без горя, но без боли
Как надежным сделать сплав
Распадающихся дней? Как душе устроить встряску?
Как без них — сейчас и впредь, —
Без убежища, где снять хоть на время можно маску,
Чтобы слезы отереть?
Горю должно гордым быть, не пристало таять
воском, —
И оно достойный след,
Памятный оставит след — раной, шрамом, отголоском...
Горе, если горя нет!..
1911

БАШНЯ

Чтоб душу защитить от злых ветров,
Чтоб волны лет ее не источили,
Пока был в силе я, пока был в силе,
Построил башню — гордый, прочный кров
Над морем, под жестоким небом... В этом
Укрытии живет моя душа.
Не спит мой разум, душу сторожа,
И дверь закрыта перед белым светом.
Пусть волнами стучится белый свет.

Но с моря путника давно не жду я —
Ни для кого здесь места больше нет...
А если буря, с башнею враждуя,
Хлестнет волной и кинет мне предмет —
Обломок прошлого в нем разгляжу я...
1909

ТРИДЦАТИЛЕНИЕ

Тридцать мысов лежат предо мною.
Мой корабль, паруса натягая,
К ним спешит. А под ловкой волною
Пасть акулы зияет, пугая.
Старый парус в нелепых заплатах.
Руль кривой — повернуть его трудно.
Ради мысов зеленых, покатых
Подновил я усталое судно.
Нас не тронули бури лихие —
Зыбь незримое делала дело
И проворнее грозной стихии
Разрушала мне душу и тело.
Я порою надежды лишился —
Несмотря на небесную ясность —
Тридцать мысов достичь... И решался
Мне предсказывать некто опасность.
Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желания грифы,

Вера канула в темное море.
За любовью любовь умирала
На руках моих, медленно тая.
Грез попадало за борт немало —
Я над ними молитву читаю.
Лишь надежду растил я прилежно —
Я вскормил ее сердцем певучим.
И росла, и мужала надежда,
Разгоняя внезапные тучи.
С нею сам я царил над собою.
Только билась она безуспешно
С изнурительной странной судьбою.
Злые души сгубили надежду.
Она маялась в тягостной муке.
Уложил ее с горькой любовью
И сложил я бессильные руки,
И стою у ее изголовья.
Тридцать мысов лежат предо мною.
Беспокойна стихия живая.
И акулы плывут под волною,
Труп надежды моей ожидая.

1908

РАВНОДУШНАЯ ЛИРА

Когда уже всю глубину отчаянья трудно измерить
И лира, она лишь одна, могла бы утешить меня —
Ведь некому, кроме нее, смятенную душу доверить, —

Она избегает меня, молчанье бесстрастно храня. i
Напрасно кричу, что душа мучительной болью объята.
Как можно меня не узнать, не вспомнить, что именно
мне
Наивные слезы не раз она осушала когда-то,
На лоне певучем своем давала забыться во сне?
«Откликнись!» — молю. «Помоги! — покорно прошу,
терпеливо,—
Тебе не составит труда отвлечь от мирской суеты.
Кто душу сумеет пригреть усталую, если не ты?..»
Но лира — ни звука в ответ, как будто не слышит
призыва,
Не жалуется, не узнает, чуждается — дескать, уволь,
Бросает один на один меня и безмолвную боль...
1910

МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ЖИЛ ДАВНО
Мне кажется, я жил давно в Элладе,
Имел Сократа разум и обличье.
И тайну Бога самого постичь я
Умел, разгадки сокровенной ради.
Вот лучшие ученики под сенью
Акрополя мне преданно внимают,
Вникают в речь мою и увлекают
Меня навстречу саду и цветенью.
Владею речью мудрою и краткой.
Душа моя в их взорах отразится!

Лиричны эти трепетные лица,
Как островки, омытые загадкой.
О мудрость! Ты прекрасной и нетленной
Являешься в холмах мне сиротливых,
Ты в небе нежном, в юношах пытливых.
Они же — обновление вселенной!
Неважно, что камнями и хулою
Толпа меня встречает. Обреченный,
Испить я должен чашу смерти черной...
Ученики отторгнуты толпою.
О мудрость! Преклоняю седину я
Перед твоей всезнающей улыбкой.
Она на горных склонах, в дымке зыбкой
И на земле живет, меня волнуя...

1912

МЕЧТОЙ ОВЛАДЕЛ

Царем Ара овладеть Семирамида смогла,
Лишь только убив его... Так я — мечтой овладел;
Царица слезы лила, себя сжигая дотла,—
Я плачу, упав на труп, где боли моей предел?
О, смертное поле дум, искал после битвы я —
Безумный, ее искал, я звал ее: «Приходи!»...
По следу крови тебя нашел я, мечта моя,
Лежала в доспехах ты, торчала стрела в груди.
Не может мой поцелуй тебя оживить, поверь,
Богов-аралезов я напрасно зову теперь
Зализывать раны: ты давно сражена, мертва...
Уже не мечта ты, прах, ты стала пищей червей...

Себя и мир обману, останься в душе моей
Красивой и молодой — и вечно в ней будь жива!
1916

ИЗ КНИГИ «ЛЮБОВЬ*

ЧИТАТЕЛЮ

Душа — заветный мир, и, сколько бы она
В строке и между строк себя ни раскрывала,
Прохожим не дано познать ее до дна —
От солнечных вершин до темного провала.
Душа моя — рудник. Лишь верхний слой размыт.
Не уголь? Не свинец? Не золото, случайно?
Струя восторга бьет, потопом боль грозит,
Нутром вулкан урчит — но это тоже тайна.
Душа моя — рудник, моя душа — руда,
И ничего пока про новый слой не ясно:
Какая радость ждет, какая ждет беда?
Душа — заветный мир, и, может быть, напрасно
Я на ее порог прохожих допускал
Во множестве, когда к немногим путь искал.

1922

ТРИ ЗОВА

Рано утром в дверь мою стучат —
Кто бы это, кто бы это вдруг?..
Ты, Мечта, — награда из наград,

Дорогая весть из первых рук?
Помани меня на край земли,
Позови на Солнце, на Луну, —
Отыщу тебя в любой дали,
За тобой, счастливый, поверну...
Днем сильнее в дверь мою стучат —
Кто бы это, кто бы это вдруг?..

РАЗЛУКА

Пустыня.... Ночь вокруг... Но вот уже светает...
Всё выше знойный день, мираж плывет вдали,
Маня роскошеством, покуда не растает...
И зябкий вечер вновь. И звезды ночь зажгли.
Пустыня!.. Но порой зеленому листочку
Обрадуется взор... Порой туманный свет
Прольется на ладонь — и призрачную точку
Мечтательно ищу: то есть она, то нет...
Колодец дня... Над ним, скрестив бесстрастно
Руки,
В зарницах траурных видение встает,
Навязывая мне свой непомерный гнет
И душу сирую баюкая в разлуке...
И снова никого на перепутье дней,
Одна лишь тень моя — и только я при ней...

ДАЛЬНЕЕ ДЕТСТВО

Дальнее детство мое, через года, через годы
Ты не узнало меня, будто не я налегке
Медленно прочь уходил в поисках взрослой свободы,
Помнил тебя, забывал, вновь вспоминал вдалеке.
Странно, но ты иногда смотришь скептическим взором
На обожанье мое, видя, как я тебя чту:
Сладко в глазах у меня ладан курится, в котором
Твой умильный мир зыблет свою чистоту.
Ты ностальгии во мне словно не подозревало
И недоверьем своим грусть умножаешь во мне,
И потому на душе вновь тяжелее вдвойне.
Что говорить! Не меня ты — старика не узнало,
Брата приняв за отца: вырос, состарился брат —
Брат, разлученный с тобой годы и годы назад...
1925

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Этой ночью, под этой луною, когда бы я мог
Отказаться от воспоминаний, от их круговерти,
Я бы всё разбазарил, даю тебе слово, сынок, —
Только тень бы твою непременно оспорил у смерти...
Я даю тебе слово — и слышат меня алтари, —
Я клянусь, что тебе отдаю свою память всецело:
Безутешные знания мои — целиком их бери,
Чтобы впредь надо мною минувшее не тяготело.

Только тень оставляю твою!.. И когда одному
По привычной пустыне придется влачиться устало,
Пусть любовно она к одиночеству льнет моему,
Как душа тяготея к душе, что ее породила.
Пусть она будет рядом, пусть не расстанется со мной,
Плоть от плоти земли — пусть всегда остается со мной.
1914

БАЛАНС

Баланс! Что осталось, что от жизни осталось
То, что давал я другим, — странно, только оно!
Благословенья без смысла, умиленья во сне,
Истощение сердца, беззвучный плач заодно.
Но вернулось, как сладость, что роздал на стороне.
Чтоб окрепшим осесть на большие года,
Что любовь унесла, — нет, то не погибло на дне,
Бог вернул мне всё, дав сиять в моих днях навсегда.
И сейчас вот, о боже, страданиям моим вопреки,
Пусть счастья ручей пересох, наслаждаюсь вином,
Могу опьяняться обильно я старым вином,
Не ропщу: что осталось? В яму легли тростники.
Пали дубы. Что осталось, что истинно верно?
Лишь утешенье, что солнца испили безмерно.
1926

В ПРОШЛУЮ НОЧЬ

В прошлую ночь — наяву или, быть может, во сне —
Мимо любви я прошел — близко и все-таки мимо,
Даже притронулся к ней, призрачно-неуловимой,
То ли явившейся мне, то ли приснившейся мне.
В прошлую ночь я собрал верного счастья крупницы —
Повод для мыслей и чувств душу надеждой увлечь,
Бережно теплясь во мне зыбким мерцанием свеч,
Дрожью щемящей, когда радость не знает границы.
В прошлую ночь в темноте встретились жизнь и мечта,
Близко, бок о бок скользнув, чтобы друг друга
дополнить
И — наяву ли, во сне — снова о счастье напомнить.
Вот и сегодня, сейчас, нег в душе разлита,
Словно бы всем существом тайную ношу лелею,
То задыхаясь под ней, то воспаряя над нею...
1924

МАЧТЫ

.Всё мачты, мачты, мачты на домах —
Дома плывут без паруса куда-то.
То рябь, а то девятый вал и крах,
А тонкий шест — награда и расплата.
Свой курс у дома, выбор свой и след.
И пассажиры, кажется, в порядке:
Сидят — меланхоличен в окнах свет —
Средь рева волн, средь их гремячей схватки.
Я вверх смотрю на эту суету,

Шестов прогнувшуюся пестроту —
И-х волны тупости и крови моют.
И к мачтам мудрости приник мой взор:
Людское око проколов в упор,
Пускай для высшего его раскроют.
1933

ЛАМПАДА ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Несчетно в небе звезд, а наша — лишь она.
Над Арагацем еженощно зажжена,
столь обособленна она, необычайна,
как будто бы ее другой затеплил тайно.
Слезами чистыми своими — вместо масла' —
наполнил он ее, дабы вовек не гасла,
дабы она всегда мерцала сквозь туман
для нас, лампада Просветителя армян.
Так верил армянин и будет верить впредь.
Столетия пролетят, но будем мы смотреть
с рассветом — на Масис и на нее — ночами.
И, глядя на твою лампаду, о Святой,
я чувствую в душе тепло Денницы той,
которая, взойдя, нас озарит лучами.
1911

ДЫХАНИЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ

Дыхание Воскресенья, затеплившееся вдали,
истерзанный мой народ, твое овекает тело.
Тебя убивали здесь, просторы этой земли
не колыбель, а могила, и всё окрест омертвело.
Но Воскресеньем повеяло, и в глуби могильной ты
разбитой грудью своей дышанье почувешь это, —
дрогнут бесплотные губы, и оживятся черты,
и потускневший взгляд вспыхнет в потоках света.
Вспоённая кровью твоей, коснется тебя трава
и к жизни тебя вернет первой жалостной лаской.
И ты, за нее цепляясь, привстанешь едва-едва,
и скинешь саван земли, и выпрямишься с опаской.
Тихо, тебя потревожить боясь, пролетят стрижи
в ясном весеннем небе, а после с тобою рядом
тихо журавль приземлится, и поодаль в тиши
вновь соловьи предадутся тихим своим руладам.
Но ты уже подошел к ложбине, где бьет родник,
и раны свои омыл студеной его водою,
испил ее и, как в зеркало глядя — о, чудный миг! —
в порядок себя привел, не побежденный бедою.
И вот исчезают уже руины одна за другой,
на месте былых пепелищ — повсюду пажити, нивы,
повсюду орала и труд, повсюду мир и покой !
и желтое покрывало пшеницы, дружной на диво.
Когда ты, помолодевший и сильный, глядишь
на детей,
дремлющих на полях в ночь жатвы и урожая,
звезды сплетают венец над головою твоей

и светятся, о воскресший, его на тебя водружая.

1918

АРМЕНИИ, КОТОРАЯ ЕСТЬ

1

Прости, я враждовал до некоторых пор
с тобой, да и сейчас не стали мы друзьями.
Но существуешь ты, и завтрашнее пламя
затеplилось в душе, и правда не позор.
Не сердце — только мысль влекла к тебе меня.
А сердце помнит всё и никогда не сможет
забыть, как заживо огонь Святую гложет,
чтоб ты, как Феникс, возродилась из огня.
И мысль моя тобой утешена сполна.
Отрадно ей: она — не холодно, не вчуже, —
точь-в-точь к сокровищу, к тебе обращена.
О, как ты далека от наших грез... Ты лучше!
Ты лучше, говорю, безжалостен и прям.
Ты есть — и в этом суть и приговор мечтам.

1933

Вдали земля и на земле народ.
Он прилепился к ней, он ум и волю
к ней обратил и силу в ней берет,

она ему и доля и недоля.

Вдали земля — живительный исток

и благодетель верный и заветный.

Она не ускользает из-под ног,

а покажет путь прямой и светлый.

Она и впрямь надежна, та земля,

и оттого на новые поля,

или на новых помыслов громады,

или детей, рожденных там сейчас,

народ глядит не отрывая глаз,

исполненный покоя и отрады.

1936

ГОРДОСТЬ

Если мы хотим иных судеб,

если мы и впрямь хотим отныне

жить, — как воздух, и вода, и хлеб

Гордость нам нужна; в небесной сини

наше имя пусть летит, дабы

на земле — от края и до края —

слышали его, как песнь трубы;

пусть оно, как факел, не сгорая

светит; пусть, как знамя на ветру,

реет вопреки смертельной стуже,

яркое и днем и ввечеру;

пусть оно внушает, как оружие,

недругам неодолимый страх;

пусть оно всегда и неизменно,
как творенье мастера нетленно,
будет чтимо и благословенно
и живет, бессмертное, в веках.

1922

ЯЗЫК, КОТОРЫМ Я ПИСАЛ

Язык, которым я писал, — всё меньше нынче
тех, кто его поймет... Пройдет еще сто лет,
и он, таков как есть — и правильный и нет, —
наш сладостный язык в теперешнем обличье,
родимый наш язык, быть может, онемееет.

Стихи, где в каждый слог страдание свое
и сердце я вложил, забросят, как хламье,
да и прочесть-то их едва ли кто сумеет...

Я, на своем веку познавший столько боли
и вдохновенье почерпавший в ней не раз,
о боже, вот о чем скорблю я в этот час!

Пусть только для себя писал я — и не боле,—
я всё же уповал, что есть на свете тот,
кто утешение в моих словах найдет.

1942

ИЗ КНИГИ «ПЕСЕННИК»

Зима и злая стынь кругом.

И жизнь в ладу с календарем:
Короткий день и долгий холод.
Дороги голые. И голод.
Следов весны мы не найдем
При всем усердии своем.
Но, вопреки календарю,
Вчера была весна и лето.
Душа и тело помнят это...
А впрочем, что я говорю!
Густые сумерки. Зима.
И на пороге — только тьма.
1944

ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Я ВЕРЮ В ТУ...
Я верю в ту, кому еще сумею
Горячее сочувствие внушить,
Когда раскрою душу перед нею,
Не дав молчанью правду приглушить...
Хотя мы разлучались не однажды,
Она не помнит зла наверняка
И не позволит умереть от жажды
Упавшему за шаг от родника.
Негодовать она не станет бурно —
Мол, как же это так?.. Мол, это дурно...
Шепнет чуть слышно: «Ах ты, бедный мой!..»
И, головой качая виновато,

Посмотрит, как на раненого брата,
Забудет снова о себе самой...

1919

В БЕСПРОСВЕТНОЙ ПЕЧАЛИ

В беспросветной печали случилось ли вам испытать
Ощущенье, что нечем былые надежды питать,
Что улыбкою жизнь вас едва ли порадует впредь?
Настигало ли прошлое вас, чтоб вдогонку свое
С неожиданной силой вонзить на излете копье?
Не хотелось ли вам кануть в небытие, умереть?
Молча, втайне для всех, незаметно исчезнуть с земли,
Чтобы люди сочувствием вас оскорбить не могли,
Не хватились бы вас, не жалели, не лили бы слез,
Если ветка надежды в змею превращается вдруг,
Если сладкая чаша, предательски выпав из рук,
Разбивается, рот опалив, будто в ней купорос,
Если боль пересилила вас, одержав перевес,
Если бог в преисподнюю, в бездну низринул с небес,—
Может, в этих стихах вы найдете поддержку для грез..

1942

ГОРДОСТЬ

Ты, гордость, первой всегда
Мою наполняла грудь.

Дай силы! Уйду когда —
Ты так же верна мне будь.
Нелегкий встречая день
В боренье с силами зла,
Мне твердым быть как кремень
Лишь ты одна помогла.
Как дерево одинок,
В душе заглушая крик, —
Когда мой настанет срок,
Внезапный и грозный миг —
Хочу я поцеловать
Великую землю-мать!
1922

ПАМЯТЬ

Душа зовет своих усопших в эту ночь.
Возьми лопату, Память, вскрой могилы.
Не отвращу лица, не ринусь прочь —
Узреть ужасное найдутся силы.
Нет больше светлых душ, нет больше ясных
тел,
Родных душе моей, любимых телом.
За них дыхание я б отдать хотел
И поменяться с мертвыми уделом.
Я встречу их сейчас, к груди своей прижму.
О Память, не кори меня, не сетуй —
Дозволь мне неподвластное уму...

Глупец! Всплакнешь в их честь сегодня ты,
А я отдамся мукам жизни этой
И предпочту их страху пустоты.

1925

ЗОВ ЛЮБВИ

Беспроволочный телефон
Принес нежданную весть:
За морем женщина есть —
Полюбит... И шлет поклон...
Прибой эту весть принес...
Волнение прячу свое:
«Не ложь? Кто видел ее?
Глаза ее? Цвет волос?»
Волна скупа на слова,
О берег бьет в тишине,
И не удастся мне
Узнать судьбу существа,
Что, горечь жизни кляня,
Позвало даже меня.

1931

МЕЧТАЛ Я ДОЛГО

Мечтал я долго, давно —
Грустил о тебе, поверь...
Спокойно сердце теперь,

Мечтать ему не дано.

О, как хорошела ты

Под солнцем моей души!

Но не более, не дрожи

Среди ее темноты...

Но ведь какая беда

Вседневно верить тебе —

Одной лишь в моей судьбе —

И знать: открыть никогда

Не сможешь ты в тишине

Свою беспредельность мне...

ЕЩЕ ОДНА МЕЧТА

Еще одна мне мечта судьбою была дана:

В полночный час подобрал, привел в гостиницу я.. «

Как крошка была мила! Сидела в кресле она,

Я видел: в ее руках томится душа моя...

Имеет мечта глаза, и движет она рукой,

В ее дыханье — свое я чувствую в тишине...

И я на нее смотрю, смотрю на нее с тоской

И жду: хоть одну она улыбку подарит мне...

Но только она молчит, и взгляд у нее не прям...

Сижу напротив нее, как мрамор статуй она,

И, как другие, она бесчувственно холодна...

И душу свою тогда разрезал я пополам,—

Отдав половину ей, услышал на свой вопрос

Тот самый верный ответ, который счастье принес...

УЖАСНАЯ ТАЙНА ЕСТЬ

Ужасная тайна есть: ведь бог этот — лживый бог.

Да, лгал ему человек, бог тоже лгал, сколько мог;

И, друг против друга встав, они поединок свой

Без масок теперь ведут, решая спор вековой...

И больше нет ничего. И драма эта длинна,

И долго, за годом год, тянуться будет она...

И кто бы ни побеждал — нельзя изменить конца:

Друг другу гневно грозя, погибнут оба бойца.

Да, должен погибнуть бог — и вместе с ним человек!

Из сердца и из ума да будет исторгнут бог,

Чтоб в новую душу он свой новый образ облек!

Мне горько, но сгинет пусть былой человек навек —

Пусть новый явится в мир, — его, поэт, призови

Из гневных песен твоих, из песен твоей любви...

НАДЕЖДЫ, БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Надежды, большие надежды, прилет

Ускорьте из синих просторов лучистых,

Из самых глубоких небесных высот,

Из самых спокойных, и добрых, и чистых...

Надежды, большие надежды, пускай

Веселые, гордые слышатся песни,

Собой наполняйте расцветший наш край,
Кружитесь, как птицы в родном поднебесье...
Надежды, большие надежды, мечты..
Откуда идете, где были вчера вы,
Когда наши сохли от зноя цветы
И многие люди пожухли, как травы?
Надежды, надев златокудрый венец,
Вы пойте — я голос ваш явственно слышу, —
Но есть еще раненых столько сердец —
Вы к ним приближайтесь не сразу, потише...

МОЕ СЕРДЦЕ

Страдает сердце мое, кровит от раны сквозной,
Не видимой никому...
Порою солнечный смех, движенье, взор озорной —
Бальзамом служат ему.
Забыто горе тогда, и весело я гляжу,
И трепетно, на весу,
Как тонкий, хрупкий сосуд, я сердце свое держу,
Надежду свою несущ...
Но может память в душе такую разверзнуть тьму,
Что сердце летит в нее;
Настанет надежды час — и хочется так ему
Богатство отдать свое, —
Всё богу счастья отдать, как мирру и ладан, в дар...
Но вспомнится радость пусть —
И сердце тогда взлетит, и новых надежд пожар

Развеет былую грусть...
Но в сердце так часто боль, огромная боль живет —
Мучительная до слез...
Ведь знаю я, что удар доныне не зажил тот,
Который мне бог нанес...
Она стара, эта боль, привыкнуть я к ней не смог,
Однако, думаю я,
Я, может, тем и спасен, что из нее же извлек
Живой восторг бытия!

ЖИТЬ ИЛИ МЕЧТАТЬ?

Что лучше — жить или мечтать? И что важнее в судьбе?
Где должно счастья искать: в мечте иль в жизни своей?
Мы не решили пока — но в беге всех наших дней
Задача эта, как груз, лежит, душа, на тебе...
Конечно, легче мечтать, избегнув жизненных круч —
По кручам и по полям стремителен бег мечты...
Но есть у ней у одной от замкнутой двери ключ —
Несметных сокровищ блеск за него увидишь ты.
Любили мы по цветам шагать дорогой мечты,—
До черных бездн иногда, до солнечной высоты.
А что принесли, душа? Одну только пустоту...
Для ран мечты наша жизнь, увы, совсем не бальзам*,
Пристанище ли — мечта в сей горестной жизни нам?
Не взять нам жизнь от мечты, от жизни — не взять
мечту.

ОПЯТЬ ОДИН...

Опять один я, один, вернулся ночью домой —
Я столько встретил людей, и так хотела душа,
Чтоб кто-нибудь другом стал, шагая в ногу со мной,
Из тех, кто был так хорош, да мимо прошел, спеша...
Вернулся домой... Но дом — он хуже хижины той,
Где крышу над головой я в прошлом бы мог иметь,
В ней память моя себя не чувствовала б чужой,
Надежда бы в ней жила, могла улыбаться, петь...
Один... А сердце мое — как будто огромный стог,
Который в дожде намок, растрепан, забыт во мгле,
Готовый вот-вот, сейчас, рассыпаться по земле...
Ах, знала б старая мать, что стал я так одинок,
Что тут живу — нелюбим, оставлен людьми,
судьбой, —
Не бросила бы меня, взяла бы меня с собой...

ИЗ ТЕХ...

Из тех, на кого я с лаской глядел, —
Кто тайны свои доверил бы мне
И их захотел
Мне, словно бы в дар, вручить в тишине?
Какая из них желала, чтоб ей
Взамен я глубокие тайны вручил
Всей жизни своей —
И душу бы тем свою облегчил?

Одна хоть душа за столько-то лет
Из тех, перед кем раскрыть я готов
Души моей свет, —
Могла бы с душой моей слиться без слов?..
И, может, сейчас приходится ей
В толпе, как и мне, одной ожидать
Конца своих дней —
И жить без любви, и горько страдать...

АРМЕНИЯ — РОССИИ

Достойная называться священной,
Ты намечала в мечтах города на своих равнинах
И яростно отбивалась от вражеских полчищ.
Ты пахала и сеяла — чтобы снова пахать и сеять —
Ради насущного хлеба
И лоскутком неба отирала чело.
Ты сокрушала недругов и тем же могучим молотом
Ковала железо, вздув горнило,
Выковывала думы свои.
Ты выстояла, когда вероломный удар
Сотряс твою монолитную стену,
И стеной пошла на врага, посягнувшего на тебя.
Смотри, как рядом с твоими сынами
Сражаются дети народов, взятых тобой под защиту
И на защиту своей защитницы вставших сегодня.
Смотри, как моя Армения, которой ты помогла
Вернуть вековую силу и древний гений,

Борется с общим врагом

И в лихую годину к тебе обращает взор

И говорит — на чужбине и дома: «Спасибо, Россия!»

1944

ПОЭТ

Я тебя прикидываю, Слово,

Примеряюсь в мыслях и па глаз,

Убеждаясь неизбежно снова

В том, что ты другое каждый раз.

Ты цветное, значит — в этом дело,

Вот откуда новизна и статья,

Твоему размаху нет предела,—

Как перед тобой не трепетать!

Неужели тайной общих нитей

Мы с тобою соединены,

И крыла, которыми в зените

Можешь ты глубины старины

И грядущие измерить дали,

Время и пространство превозмочь,

И меня в полет орлиный взяли

И от будней увлекают прочь?

Увлекают, направляя тонко,

Дав над повседневностью взлететь,

Душу седовласого ребенка,

Только научившегося петь,

Только-только, невзначай, как птица,

Словно песня у него в крови, —
И душа готова раствориться
В состраданье, в радости, в любви.
1945